

АНА ВУД

НЕДОТРОГА
ДЛЯ

ХУЛИГАНА

Ана Вуд

Недотрога для хулигана

<https://litres.ru/73977424>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выпускной год в школе должен был стать самым лучшим, но станет сущим кошмаром, ведь я вынуждена уехать из родного города, оставив в нем отца, друзей и своего парня. Теперь школьные королевы пытаются испортить мне жизнь, мама то и дело сыпет упреками и только знакомство с соседским мальчишкой хоть как-то скрашивает дни наполненные одиночеством. Правда его старший брат не так дружелюбен. Хулиган, не гнушающийся темных делишек и всем своим видом обещающий проблемы. Сможет ли он стать моим другом? Или окончательно разрушит мою жизнь?

Содержание

Плейлист	4
Глава 1. Полина	6
Глава 2. Полина	17
Глава 3. Денис	28
Глава 4. Полина	38
Глава 5. Полина	48
Глава 6. Денис	60
Глава 7. Полина	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ана Вуд

Недотрога для хулигана

Плейлист

Mary Gi – целуешь ее

Три дня дождя – Я и одиночество

TRITIA – Города

Ваня Дмитриенко – Цветаева

Юлия Савичева, TRITIA – Каплями

Ваня Дмитриенко – На запястьях

Mary Gi – станешь лучше

ННЛМЕ – Ложись спать

R.A.SVET – ОТПУСТИ МОЁ СЕРДЦЕ

Искушённый соблазном – Ливнем от дождя

NLO, Анет Сай – Выходи

KEER – Не Такая

Марсель – Районами-кварталами

karbon – Разбитый красотой

polnalyubvi – В последний раз

тринадцать карат – одна

балкон ожиданий, ЕГОР НАТС – почему мне снова снится

она

*Красной лавой втекай в меня снова,
Заполняй все пробойны дыры.
И лечи меня действием, словом.
Становись моим новым кумиром.
Анна Дуплина.*

Глава 1. Полина

Я смотрю на старый трехэтажный дом прямо перед собой и едва сдерживаю желание закричать. Здание выглядит удручающе: первый этаж выкрашен в странный грязно-розовый цвет, а вот на второй и третий краски, видимо, не хватило. Облезлая побелка сквозь которую проступает кирпич, потеки о происхождении, которых даже думать не хочется — в голове не укладывается, что мне придется тут жить. Я знаю — это место никогда не станет для меня домом, как бы не решили родители. Мой дом — квартира в Москве, а не этот раздолбанный сарай на окраине Краснодара.

Разве что-то может быть паршивей него? Спорю на что угодно — ничего.

Только если моя жизнь...

— Поля, как долго ты планируешь оставаться в машине? — до меня доносится раздраженный голос матери, и в ответ я закатываю глаза. Она злится и не понимает почему мне не хочется выходить из ее старой, насквозь проржавевшей тачки, хотя по мне все довольно очевидно. — Я планирую приготовить обед. Ты не хочешь мне помочь? — продолжает она звать меня.

Я молчу, только упрямо поджимаю губы и скрещиваю руки на груди. Не хочу выходить из машины и помогать ей тоже не хочу. Все чего я хочу — это вернуться туда, где мой

настоящий дом. Туда, где остались папа, друзья и Славка. Вот только теперь нас разделяет больше полутора тысяч километров...

Телефон в кармане вибрирует — я достаю его и бросаю взгляд на экран. Во весь дисплей высвечивает папина фотография, и, чтобы не расплакаться мне приходится до боли прикусить губу. Папа словно почувствовал мою боль сквозь сотни километров.

Несмотря на все усилия на глазах все же выступают слезы, но я зло смахиваю их. Это несправедливо! То как мама поступила со мной. Я так скучаю по папе, что порой мне становится трудно дышать. С самого детства я не расставалась с ним больше, чем на день, а сейчас мы не виделись уже целую неделю. Мне хочется прямо сейчас выскочить из машины и накричать на маму. Это же она виновата во всем, она сама своим безразличием вынудила его уйти к другой, а теперь строит из себя жертву. Ненавижу ее! Больше всего за то, что она решила наказать меня из-за того, что злитесь на отца. Несправедливо разлучать нас.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю на звонок. Не хочу, чтобы папа понял, насколько я расстроена.

— Пап! — Мой голос звучит так, словно я бесконечно счастлива, а не ненавижу этот паршивый город. И маму.

— Полюсик, вы уже на месте. Как добрались? — в голосе отца разбираю точно такие же истеричные нотки и хмыкаю. Мы с ним слишком похожи. Именно поэтому мать решила

наказать его таким образом и разлучить нас, вот только она не учла одного — через пару месяцев мне восемнадцать. И как только день рождения пройдет, я сбегу обратно в Москву.

— Да, в Краснодаре уже. Все хорошо, — натянуто произношу, пальцем ковыряя дырку на своих и без того рваных джинсах. — Пару раз останавливались в каких-то забегаловках, пару раз в отелях с клопами, так что, вероятно у меня пищевое отравление, чесотка и туберкулез.

— Брось, Полюсик, я уверен, что не все так плохо, — смеется папа. — Может быть только если вши.

— Ха-ха-ха, — я делаю вид, что смеюсь. — Всегда хотела стать лысой, а вы не разрешали.

Папа смеется, и я тоже начинаю улыбаться. Вот так всегда. Стоит мне услышать его заразительный смех, как я тут же его подхватываю. Обычно мама только непонимающе хмурилась, пока мы хохотали как безумные.

— Видишь, во всем есть плюсы, — произносит папа, но внезапно его голос надламывается.

Моя улыбка гаснет.

— Ты там как? — тихо спрашиваю отца, косясь на маму, которая продолжает стоять возле машины, уперев руки в бока.

— Все в полном порядке, дочка, — шумно выдыхает отец. Мне кажется он хочет сказать, что-то еще, но обрывает себя, а когда начинает снова говорить, его голос звучит ровнее. —

Ты не должна злиться на маму, Полин. Она хочет, как лучше, старается для тебе.

— Как же, лучше, — хмыкаю я. — “Лучше” это значит увезти меня из родного города? Поменять школу в выпускном классе? Разлучить меня с тобой? — все-таки срываюсь я и начинаю плакать. — Она вынудила меня уехать от Славки, — шмыгаю я носом.

— Славка, несомненно, самый важный пункт в этом списке, — пытается пошутить папа, который терпеть не может моего парня. — Ты же знаешь, дочка, это ненадолго, — уже серьезнее произносит он. — Закончишь выпускной класс, и уедешь в институт, куда захочешь. Просто придется потерпеть год.

— Я хочу домой, — твердо произношу я, в этот момент глядя на маму. Пусть читает по губам. — Прямо сейчас.

Я поджимаю губы и снова принимаюсь ковырять дырку на джинсах.

— Это невозможно, милая, — горько отзывается папа. — Ты пока не можешь решать, а мама... Мама решила, что ты должна остаться с ней.

— Ты даже не пытался убедить ее в обратном! — взрываюсь я.

Мне так больно и обидно, что вся моя ярость теперь направлены и на него, хотя отец такая же жертва маминой тирании, как и я. Черт. Да моя мать самый настоящий абыюзер.

— Ты же знаешь... — спокойно произносит отец.

— Да, — перебиваю его, больше не в силах по очередному кругу гонять этот разговор. — Мама так решила, — отрезаю я. — Ладно, пап, прости. Я пойду. А то мама...

Я не заканчиваю. Он и так все знает и даже лучше меня. С мамой спорить бесполезно, да и вообще можно сделать только хуже себе.

— Конечно, — с тяжелым вздохом, который вспарывает мне сердце, отзывается папа. — Не забывай звонить. И... я тебя люблю, Полусик.

— Я тоже тебя люблю, — почти шепотом от подступающих к глазам слез произношу я. — Пока.

Телефон замолкает. Я поднимаю глаза и встречаюсь взглядом с мамой, которая все так же неподвижно стоит напротив машины. Она выглядит уставшей, но мне не жаль ее. Нечего было тащиться в эту дыру.

Я продолжаю сидеть в машине — не хочу выходить на улицу. Там непривычно жарко, слишком яркое солнце грозит испепелить меня до костей, а еще я уверена, что подъезд насквозь провонял кошками и кислыми щами. Ветер, который по температуре больше похож на воздух в сауне, треплет белье, развешанное на веревках прямо посреди двора. Кажется, жизнь здесь замерла десятилетия назад...

— Полина, — строго произносит мама, и я понимаю, что ее терпение на исходе. Мне придется подчиниться. Как и каждый чертов день моей жизни. До тех пор, пока мне не исполнится восемнадцать.

— Сейчас, — бормочу я, а затем открываю дверь и выхожу на улицу.

Тонкая ткань футболки моментально прилипает к коже, на лбу выступают бисеринки пота и челка начинает завиваться. Воздух раскален до предела и каждый вдох практически обжигает легкие. Не знаю, как мама прожила тут двадцать лет, но я уже всей душой ненавижу этот город. За его унылость, раскаленный воздух, отсталых жителей и за то, что он так далеко от отца.

— Вещи не забудь, — мама выгибает бровь и кивает на багажник.

— Забудешь тут, — под нос себе продолжаю бухтеть я. — Вся моя жизнь уместилась в пару сумок.

— Тебе тут особо больше и не пригодится, — мама прекрасно слышит меня, и это не вызывает удивления. Она всегда слышит именно то, что не предназначено для ее ушей.

— Да, в этом адском пекле только в трусах ходить, — огрызаюсь я.

— Привыкнешь, — бросает мама. — Пошли домой, сможешь мне есть приготовить.

— Ты собираешься есть в такую жару? — открываю багажник и меня тут же обдаёт раскаленным жаром от металла. — Боже, здесь же невыносимо, — стон вырывается из моего рта, пока я достаю сумки со своими вещами и пакет с книгами, с которыми не захотела расставаться.

— Привыкай, Полина, — раздраженно выдает мама. —

Как минимум, до следующего лета — это твой новый дом.

Я вздыхаю и воздух снова обжигает легкие. Находиться на улице невозможно. Ветер не приносит облегчения, а солнечные лучи прожигают до костей. Я стараюсь дышать, как можно реже, потому что каждый вдох причиняет боль.

— Ну чего ты там, Поль?

Мамин голос звенит от напряжения. Она недовольна, как же.

Я захлопываю крышку багажника и бросаю на маму взгляд исподлобья. Она знает, как я презираю ее за то, что мы оказались здесь — в этом богом забытом городишке.

— Хватит, — машет она рукой в мою сторону, совершенно верно истолковав мой взгляд. — Ты можешь прожигать во мне дыру, можешь ненавидеть меня, можешь хотеть сбежать, вот только пока тебе нет восемнадцати, тебе придется подчиняться моим правилам. Ясно?

— Яснее некуда, — цежу я, не договаривая то о чем думаю.

Я знаю что уеду, давно это решила. Как только мне исполнится восемнадцать, я соберу вещи и вернусь к отцу.

— Вот и хорошо. Пошли в дом.

Я послушно иду за ней к подъезду. Хотела позвонить Славе и сказать, что добралась, но судя по тому, как напряжены мамины плечи — она на пределе, так что я решаю сделать это попозже.

Мы заходим в подъезд и в нос мне бьет вонь кошачьей

мочи, но внутри каменных стен хотя бы немного прохладнее, поэтому я просто стараюсь дышать ртом. Это не особо помогает. Кажется что запах въедается в поры, пропитывает одежду и волосы и проникает в самую человеческую суть, словно говоря, что теперь ты тоже часть этого болота и тебе не выбраться. Это такая своеобразная метка.

— Надо будет узнать кто тут у нас в подъезде кошатник,
— морщит нос мама.

— Что, подкармливать пойдешь? — бросаю я, озираясь по сторонам.

Подъезд выглядит так, как будто сошел с экрана телевизора прямиком из старого советского фильма — синяя краска примерно до середины стены, побелка, на которой в красках расписана история некой Марины, отбитые ступени, не внушающие доверия перила. Мне хочется зажмуриться и оказаться дома. Вот только стараниями мамы мой дом теперь тут...

— Нет, потравлю пойду, — резко бросает мама, и я не сразу понимаю о чем она.

— Ну что ж, — кривлю губы. — Ты всегда предпочитаешь решать проблемы кардинально. Кстати, меня тоже можно было...

— Хватит! — Мама резко оборачивается, и я понимаю, что она в ярости. Глаза гневно сверкают, а ладони сжимаются в кулаки. Черты ее лица заострились, а темные круги под глазами делают маму старше, чем она есть. Мне бы испыты-

вать жалость к ней, но все что я чувствую — обжигающая злость. Она разрушили мою жизнь, забрала меня у отца, у Славы, у друзей. Ненавижу ее.

— Это было твое решение, — тихо произношу я, вкладывая в каждое слово всю ненависть, что испытываю. — Поэтому тебе придется смириться с тем, что я не стану молчать и делать вид, как счастлива оказаться здесь, за полторы тысячи километров от цивилизации, в подъезде, провонявшем кошачьими ссаками, с человеком, который из-за своего эгоизма лишил меня дома и семьи. Это ты все разрушила, и я каждый день буду напоминать тебе об этом, ясно?

Я жду, что мама взорвется, начнет кричать, скажет хоть что-то или обвинит во всем отца, но она всего лишь поджимает губы. Это все эмоции, которых мне удастся добиться за несколько дней. Молчаливое безразличие, тихая ненависть, равнодушное презрение.

Какое-то время мама просто смотрит на меня, но затем разворачивается на пятках и продолжает подниматься по ступенькам. Лифта в этом доме нет, да он не очень и нужен в старом доме, где всего три этажа.

Я сжимаю ладони с такой силой, что мои ногти оставляют полукруглые отметины на ладонях, а затем делаю вдох. Телефон в кармане вибрирует, но я даже не проверяю, что там. Какая разница, если я не смогу увидаться со своим парнем или погулять с подружками?

Поднимаюсь по ступенькам вслед за мамой, с трудом во-

лоча за собой вещи. Естественно наша квартира находится на третьем этаже, как же иначе?

Мама открывает дверь, обитую коричневым дерматином и заходит внутрь. Я колеблюсь. Понимаю, что мне некуда идти, но кажется если войду внутрь, то окончательно проиграю ей.

— Полина, давай, а то мухи налетят, — торопит меня мама.

Мне хочется истерично рассмеяться и заплакать одновременно. Теперь это моя жизнь: третий этаж, обоссанный котами подъезд, мухи, которых надо не пустить в дом.

Я бросаю взгляд на окно, расположенное в подъезде, прикидывая смогу ли убиться, если прыгну с третьего этажа, или только ноги переломаю...

— Полина!

— Иду, — со вздохом отворачиваюсь я от окна.

Внутри квартиры еще хуже чем в подъезде. Пахнет плесенью и... старостью.

— И как давно здешняшка бабка умерла? — морщусь, оглядываясь по сторонам.

— Пару лет назад, — как ни в чем не бывало отзывается мама. — Твоя комната дальняя, — она кивает на дверной проем, в котором вместо двери висят какие-то невообразимые бусы. — Бросай вещи и надо приготовить поесть. А потом уже приступим к уборке.

Я недоверчиво мотаю головой. Мне хочется, чтобы это

оказалось сном, но вот мама открывает окно, в надежде запустить в квартиру свежий воздух, и горячий поток ветра начинает раскачивать жалюзи из бус, как будто насмехаясь надо мной.

— Полина, не тормози, — резко бросает мама. — Еще оставшиеся вещи нести из машины. В конце концов, я устала.

Я сдаюсь. Мне приходится признать свое поражение, поэтому я прохожу в комнату и бросаю сумку на пол. Пыль серым облачком взметается в воздух. Мебели в комнате мало: старая сетчатая кровать, стол, покрытый лаком и такой же шкаф, с покосившейся дверцей. Хочу завывать, но между комнатами даже двери нет, чтобы хлопнуть ей и спрятаться от мамы.

Бросаю взгляд на часы, проверяю дату и вздыхаю.

Мне нужно продержаться пару месяцев, всего лишь пару месяцев до моего совершеннолетия.

Глава 2. Полина

Вот уже несколько дней я пытаюсь свыкнуться с новой реальностью, но удается с трудом. Кровать с сеткой-рабицей вместо основания жутко скрипит стоит мне пошевелиться, дверь шкафа то и дело пытается отвалиться, а каждый выход на улицу грозит окончиться тепловым ударом. На дворе почти сентябрь, но жара на улице стоит адская. Интересно, здесь всегда так жарко или есть шанс, что в ноябре температура упадет ниже двадцати градусов?

— Мне нужно молоко, — доносится до меня с кухни голос мамы.

Она не просит меня сходить за ним, просто ставит в известность, но я прекрасно знаю, что будет дальше, если я проигнорирую ее.

— Сейчас схожу, — отзываюсь я, откладывая книгу и скидывая ноги с кровати.

Рабица противно скрипит, и я морщусь. Спать на этой кровати почти невозможно из-за непрекращающегося скрипа и того, как сетка и матрас вместе с ней прогибаются под моим весом.

— Тогда купи еще хлеба и картошки, — произносит мама так, словно она вспомнила об этом только сейчас.

Со вздохом засовываю ноги в пушистые тапочки и иду в сторону кухни.

Мама злится и отчасти я могу ее понять. С работой у нее не сложилась. Фирма, в которой она работала в Москве обещала и удаленку, и прежние условия, но стоило маме оказаться за полторы тысячи километров от них, как начальник тут же включил заднюю. В итоге мама осталась без работы, а денег, припасенных на черный день у нас не очень много. Но все же это не повод срываться на мне.

— Не шаркай, — бросает мама, даже не поворачивая голову в мою сторону.

— Скажи сразу, что еще нужно купить, — наклоняю я голову на бок. — Второй раз на это пекло я выходить отказываюсь.

— Не сахарная, — огрызается мама, и я обиженно поджимаю губы. — Деньги на тумбочке возьми.

— Мам, ты помнишь, что обещала мне кровать купить новую? — я мнусь в дверях, чувствуя себя чужой в своем же доме. Хотя, какой он мой? Чужое, необжитое помещение.

— Помню, — все так же не поворачиваясь ко мне, произносит она.

— И?

— Что “и”?

— Ну, когда мы в магазин поедем? На этой же невозможно спать.

— Ты сначала за молоком сходи, потом поговорим.

— Мам...

— Хватит! — она так резко оборачивается, что светлые

волосы бьют ее по щекам.

У меня точно такой же цвет волос — светло русый — и тот факт, что мы с мамой настолько похожи невероятно меня злит. Особенно сейчас.

— Что хватит, мама? Что? — я скрещиваю руки на груди и с вызовом смотрю на нее. — Хватит хотеть вернуться домой? Хватит хотеть спать на нормальной кровати, а не этой ржавой решетке? Что хватит? Я не могу на ней спать. У меня все тело болит!

— Хватит трепать мне нервы, — чуть тише произносит мама. — Иди за молоком. Мне готовить надо.

Я выскакиваю с кухни и несусь в коридор. Пульс зашкаливает, кровь шумит в ушах, пока я скидываю тапочки и всовываю ноги в новые сланцы. Как же я ненавижу этот город! И жизнь свою ненавижу!

Выскакиваю в подъезд и окунаюсь в прохладу. Старое, построенное из кирпича здание единственное место в этом чертовом городе, где нет такого адского пекла. Вчера вечером я хотела немного побегать, но столбик термометра не опускался ниже тридцати градусов практически до самой ночи. Не знаю, как люди здесь живут. Мне даже пришлось купить сланцы, чтобы не ходить в кедах. Закрытая обувь — еще один шаг к тепловому удару.

Как только я оказываюсь на улице, майка моментально намокает. Отвратительное ощущение. Кожа липкая и все чего мне хочется в этом ужасном городе — постоянно ходить в

душ.

На лавке у подъезда замечаю мальчишку. Он сидит с отрешенным видом и смотрит, как два голубя собирают с земли шкурки от семечек.

— Привет, — бросает он, замечая меня.

— Привет.

Прохожу мимо него, делая вид, что очень спешу, но мальчишка и не стремится заводить со мной разговор. Это радует. Пусть все мои друзья и остались в Москве, заводить знакомства здесь мне не хочется. Все равно в скором времени я сбегу, так зачем привязываться к людям?

До магазина недалеко, но в такую погоду даже это расстояние становится пыткой. Пока я покупаю все необходимое, успеваю остыть под кондиционером и, когда оказываюсь снова на улице, жара практически сбивает меня с ног. Раскаленный воздух проникает в легкие и кажется, что еще немного и они воспламятся.

Пыль и мелкие камешки попадают мне в шлепки, вынуждая то и дело останавливаться, и когда я дохожу до подъезда, становлюсь похожей на чучело. Пыльное, потное чучело.

Со вздохом останавливаюсь, чтобы перевести дух и успокоиться. Кажется, если я сейчас зайду в квартиру, то скандала с мамой не избежать. А я устала с ней ссориться. От этого мне равно нет никакого толка.

Замечаю, что мальчишка все так же сидит на лавке и прищуриваюсь.

— Тебе не жарко? — не выдерживаю я, оглядывая его плотные штаны и футболку с длинным рукавом.

— Не, я привык, — отрешенно произносит он, а затем с интересом поворачивается ко мне.

— Вы только переехали, да? Мама сказала, что видела, как новые жильцы заносили вещи.

— Да, — киваю я, садясь на лавку напротив него. Раскаленная древесина обжигает бедра, в облупившаяся краска моментально прилипает к мокрой коже. — А ты тоже тут живешь?

Он кивает на подъезд возле которого мы сидим.

— На третьем этаже.

— Ясно, — не знаю, что сказать еще, но уходить почему-то не хочется. Дома меня одолевает слишком много мыслей...

— Меня Дима зовут, — улыбается мне мальчуган.

— А меня Полина, — протягиваю ему руку и он пожимает ее, словно совсем взрослый. — Сколько тебе лет, Дима? — усмехаюсь я.

— Тринадцать, а тебе?

— А мне семнадцать.

Дима свистит, и я смеюсь от неожиданности.

— Ты почему тут сидишь? — спрашиваю я, оглядывая двор.

На улице такое пекло, что все предпочитают прятаться в своих квартирах под кондиционером и на улице можно за-

метить разве что голубей да бродячих собак. И те стараются укрыться в тени деревьев.

— У мамы гости, — лицо Димы становится хмурым и у меня закрадываются нехорошие подозрения.

— Они тебя обижают? — спрашиваю, наклоняясь к нему.

— Нет, — он качает головой и поджимает губы. — Просто сначала они пьют, а потом уходят в комнату и запираются. Мама сказала, что я уже взрослый, чтобы сидеть под дверью и подслушивать, и поэтому я ухожу. А когда дядя Женя выйдет, смогу вернуться.

Я неверяще хлопаю глазами, глядя на пацана. То есть мать выгоняет его пока спит с женщиной? Мда... Приз года “Самая худшая мать” ускользает у моей матери прямо из-под носа.

— Ты давно тут сидишь? — спрашиваю я Диму.

— Часа два уже.

В моей голове вертится куча фраз, которые точно не понравились бы моей маме, вздумай я их произнесли вслух, но я молчу. Наверное, не стоит так сразу ругать незнакомого мне человека, но абсурдность и ужас ситуации пробирают меня до костей. Это же надо, выгнать собственного ребенка на жару, пока сама там...

— Жарко же, — произношу я, обмахиваясь ладонью. — Как ты тут сидишь, да еще и в кофте?

— Я привык, — повторяет Дима и отмахивается от меня, словно от зудящего над ухом комара.

Порывы ветра лениво раскачивают листья каштана над нами, но вместо долгожданной прохлады только обдают горячим воздухом. Мне кажется, я никогда не привыкну к этому климату. В Москве даже летом температура не всегда поднимается выше двадцати градусов, а тут должно быть все сорок. И это почти сентябрь!

— Дим, а долго они там?..

— Пару дней назад я провел на лавке четыре часа, — он качает ногой с таким видом словно мы ведем дружескую беседу, а не обсуждаем эту дикость.

Мне становится тошно. Моя мать, конечно, не идеал. Я злюсь на нее и все такое, но я даже подумать не могу о том, что она может поступить вот так... Как животное. Хотя о чем это я. Даже самки животных защищают своих детенышей.

— Слушай, хочешь пить? — неожиданно принимаю я решение, косясь на окно кухни, выходящее прямо на лавки, на которых мы сидим с Димой.

Он запинается и смущенно прячет взгляд.

— Пойдем ко мне? — машу я в сторону подъезда. — У нас, конечно, тоже не очень прохладно, но хотя бы солнце не угрожает прожечь дыру в макушке и есть кола. Ты любишь колу?

Дима неуверенно кивает.

— Ну, тогда пошли? — я поднимаюсь, призывая его идти за мной, но он все еще мнется. — Ты чего? Боишься что ли? Не бойся, у меня мама дома и больше никого. А мама

знаешь, какой цербер? — я смеюсь, чтобы разрядить обстановку, но тут же понимаю что ляпнула глупость. — В том плане, что она тебя в обиду не даст, даже мне, — поясняю я. — Точно тебе говорю.

Я поднимаю пакет с покупками повыше, чтобы Дима заметил, что в нем лежит довольно стандартный и безобидный набор вроде молока, хлеба и овощей.

— А если я пропущу... ну, когда он уйдет? — он зажимает губу двумя пальцами и принимается выкручивать. — А у меня там в компе заруба с пацанами.

— Окна моей комнаты выходят во двор, — тычу пальцем в наше окно на третьем этаже. — Мы можем сесть на подоконник, поесть чипсы и запивать их газировкой. А заодно и увидим, когда... хм... гости твоей мамы уйдут.

Дима, наконец кивает и поднимается на ноги.

— А какие у тебя чипсы? — спрашивает он, прищуриваясь.

— Самые вкусные, — улыбаюсь ему уголками губ. — Со вкусом копченых ребрышек.

— Фу, — кривится Дима, и я смеюсь. — Ненавижу их.

— Значит мне больше достанется, — подтруниваю я над ним.

Мы заходим в подъезд и тяжелая металлическая дверь хлопает за нашими спинами.

Дима вроде чувствует себя уверенней и принимается во всю болтать. А я, если честно, не особо его слушаю. Мне

просто стало жаль паренька. Сидеть на солнцепеке и караулить хахаля своей непутевой мамыши сомнительное удовольствие.

— Ой, а мы вот тут живем, — тычет Дима пальцем в дверь напротив нашей.

— Соседи, — я ласково улыбаюсь ему.

— А тебе тут нравится? — спрашивает он, когда я открываю дверь в квартиру.

— Что? — не сразу понимаю о чем он.

— Поля, тебе где носило? — в коридоре появляется мама с полотенцем на плече и упертыми в бока руками. Она недовольна мной. Как обычно.

— Ой, — пищит Дима за моей спиной. — Здрасьте.

— Добрый день, — мама склоняет голову набок и в ее глазах явно читается вопрос.

Я пожимаю плечами, давая понять, что беседовать с ней не намерена.

— Вот, — протягиваю маме пакет. — Это Дима, он наш сосед. У него... ключ потерялся от двери, — вру я. — А там жарко. Мы будем в комнате.

Я хватаю Диму за руку и практически заталкиваю в комнату, кивая ему, чтобы он проходил дальше.

— Поля... — осуждающе цедит мама.

— Что? — приподнимаю бровь. — Там жарко, как в пустыне. Ты давно выходила на улицу? — раздраженно произношу я. — Когда в следующий раз понадобится что-то ку-

пить, сходи сама. Может тогда поймешь, как там невыносимо.

Я прохожу мимо мамы на кухню и открываю ящик с чипсами. Не глядя хватаю две упаковки и возвращаюсь в коридор. Мама стоит на том же самом месте, только теперь на ее лице застыло выражение тоски. Точно так же она выглядела, когда мы уезжали из Москвы. Но мне не жаль ее. Она сама во всем виновата, а вдобавок и меня заставила уехать и все бросить. Я прохожу в комнату, стараясь не дотронуться до мамы и жалея, что нет двери, которой я могла бы хлопнуть.

Дима уже сидит на краешке кровати и рассматривает книги, которые я привезла с собой.

— Макс Фрай? — присвистывает он, кивая на стол, где стопкой лежат книги.

— Ага, — я бросаю ему пакетик с чипсами и сажусь на стул напротив кровати. — Любишь читать?

— Люблю, — погрустнев, отзывается он. — Только все что у нас дома было я уже прочел.

С языка чуть не срываются слова о том, что новые книги сейчас легко можно купить, но я вовремя прикусываю язык. Если мать выгоняет Диму сидеть на лавке, может у них и с деньгами напряг?

— Хочешь взять? — я протягиваю руку и беру из стопки томик “Чуб земли”.

— Можно? — глаза Димы загораются, а у меня сжимается сердце. Черт, это же насколько нужно быть несчастным

ребенком, чтобы так радоваться книге?

— Конечно, — протягиваю ему книгу. — А как дочитаешь, я тебе еще дам. Договорились?

Дима вскакивает на ноги и прижимает книгу к груди.

— Спасибо! — выкрикивает он. — Быстрее бы начать.

— А как же заруба с пацанами? — спрашиваю я, вспомнив, что он вроде говорил про игру.

— А, — отмахивается он. — Пацаны никуда не денутся, а вот книга...

Дима мечтательно закатывает глаза и делает пару шагов к окну, а когда я снова вижу его взгляд, замечаю, как тот становится испуганным.

— Что там? — я тоже подхожу к окну, чтобы понять что так напугало Диму.

— Денис вернулся, — осипшим голосом шепчет он. — Мне пора. Прости.

Он выбегает из комнаты, все еще сжимая книгу в руках, но я бегу следом за ним.

Глава 3. Денис

Ржавый гараж провонял бензином, но я все равно вдыхаю отравленный воздух полной грудью. Сжимаю руки в кулаки, чтобы успокоиться, но у меня ни хрена не выходит. Я в шаге от того, чтобы совершить глупость. Серый стоит справа и боковым зрением я вижу, что и он готов вмазать бугаю перед нами.

— Остынь, — я вытягиваю руку поперек его груди.

— Да это кидалово! Они нам сами эти запчасти дали! Дэн, ты че не вкуриваешь что ли?

Черт, я отлично вкуриваю, что все произошедшее чистой воды кидалово и это бесит меня до чертиков. Мы повелись на классический развод как два лоха, а в итоге попали на бабки...

— Ты борзого-то угомони, — кивает Костя на Серегу. — Если вздумаете ментам стукануть, или кого-то натравить на нас, неделю будете кровью ссать.

— Не будем, — цежу сквозь стиснутые зубы, ладонью сильнее надавливая на грудак Сереги.

Чувствую, как он напрягается под моей рукой, но ввязываться в драку с Костей хреновая затея.

Внутри меня клоочет ярость. Кажется, что я даже дышать из-за нее не могу. Перед глазами стоит кровавая пелена и из-за этого все видится мне в красном свете. Как же

нас развели нас? Мы просто два конченных идиота. Вернее, я, Серый тут вообще ни при делах. Только в итоге выходит, что я еще и его за собой потянул...

— Дэн, ты... — друг сплевывает на пол гаража и резко отступает назад, а моя рука безвольно опускается вдоль тела.

Я знаю, что он хочет сказать, что я трус, что я слабак, что я гандон, в конце концов. Только он забыл, что Костя не просто какой-то левый кидала, он кент Евгена, а тот в свою очередь почти что мой отчим. И если мы попрем против него, проблем будет в три раза больше.

От этой мысли зубы сжимаются с такой силой, что я слышу их скрежет и начинаю опасаться, что они на самом деле раскрошатся.

Костя — хотя для нас с Серым скорее дядя Костя — гну-саво ржет, глядя мне за спину. На Серегу. Вот говнюк.

— Дэн гораздо умнее тебя, пацан, и принял правильное решение. Запчасти в тачке паленые? Паленые. Деньги с нас взяли, как за оригинал? Как за оригинал. Значит теперь придется ущерб компенсировать. Но за то что нас кинуть реши-ли, отдавать придется в тройном размере.

— Мы не собирались вас кидать, — глухо произношу я. — Ты знаешь это не хуже меня. Вы сами нас послали к тем пацанам, мы у них запчасти и купили.

— Значит надо было лучше смотреть, что берете, — Костя щелчком отправляет недокуренный бычок куда-то в траву, а затем разводит руками.

— Где мы найдем такие бабки? — это звучит так жалко, что меня тянет блевать от самого себя.

— Я не знаю где, — усмехается Костя. — И, честно говоря, мне насрать.

Он сплевывает на пол, едва не попадая мне на кроссовки, и я морщусь. От отвращения к нему и отчасти к себе. Так попасться на простой развод.

— Все, пацаны, ариведерчи, — Костя прикладывает два пальца к голове и разворачивается, но перед самой дверью внезапно замирает и медленно поворачивает голову в нашу сторону. — Кстати, Дэн, передавай привет мамочке. Надо будет к ней как-нибудь заглянуть. Думаю, Евгений не будет против.

Это становится последней каплей — я рывком срываюсь с места и почти бегу в сторону Кости, но он оказывается быстрее. Мощный удар обрушивается на мою челюсть, в глазах плывет, и я делаю два шага назад.

— Не рыпайся, щенок, — угрожающе произносит Костя. — Иначе мы всерьез возьмемся за вас. И начнем с твоей мамочки.

Костя уходит, а я в бессильной ярости сжимаю ладони и трясусь головой. Мне хочется разорвать его, но Костя не шутит — его угрозы вполне могут стать реальными проблемами. И если на мать мне, по большому счету, плевать, то за Димку я реально боюсь. С этих уродов станется к малому ползть.

— Денис, какого хрена? — тяжело дыша сзади ко мне под-

ходит Серега, и я зажмуриваюсь.

Мне хочется провалиться сквозь пол этого долбанного гаража, который и стал источником наших проблем, но я делаю глубокий вдох и натягиваю на лицо надменную улыбку. Прорвемся. И не из такого дерьма выбирались. Оборачиваюсь к другу и хлопаю его по плечу.

— Да ладно, Серый, не ссы. Я найду бабки.

— А если нет? — хмурится он.

Сереге не хочется проблем и битой рожи. А кому хотелось бы? Тем более он у нас из хорошей семьи. Умненький, подающий надежды мальчик, связавшийся с плохой компанией. А я и есть та самая “плохая компания”. Какого фига он до сих пор со мной дружит для меня загадка.

— А если нет, то тачку продам, — уверенно киваю, хотя в этот момент в сердце как будто ржавый гвоздь втыкают.

Мой старый додж, на обслуживание которого уходит уйма денег, не просто тачка. Это не верный друг, железный конь и прочая романтическая хрень, но на самом деле так просто расстаться с машиной я не смогу. Только придется, если мы не найдем бабки.

— Надо узнать может кому из наших ремонт нужен, — задумчиво произношу я, облизывая разбитую губу.

Металлический привкус крови оседает во рту, вызывая легкую тошноту, как напоминание, что я не жрал с самого утра. Надо в магаз что ли заскочить, а то дома жрать, скорее всего нечего.

— Я узнаю, — обреченно произносит Серега. — Ты иди домой, Дэн. Приложи что-нибудь... — он машет рукой, подразумевая мое в очередной раз разбитое лицо и отворачивается. — Я тут все приберу.

На самом деле в гараже чисто, насколько вообще может быть чисто в гараже, где ремонтируются тачки, но я только киваю и молча выхожу на улицу. Горячий воздух обжигает легкие, но в воздухе уже чувствуется запах приближающейся осени. Ветер становится чуть сильнее, хотя все еще такой же горячий, а по небу все чаще проплывают белые облака, как обещание скорого дождя. Быстрее бы. Может хоть дышать станет чуть легче.

От гаража до моего дома пару кварталов. Я надвигаю кепку на лоб, засовываю в уши паленые эйр подсы и неспешно направляюсь в сторону дома. Со стороны я выгляжу, как обычный парень, прогуливающийся по району в последние летние дни свободы, вот только внутри меня бушует злость, которая никак не хочет затихать. Я уверен, что Евгений не знал о дельце, которое провернул Костя, но и был его соавтором. Гнида.

Чем ближе я подхожу к нашему двору, тем сильнее надеюсь на то, что Евгений сейчас не у матери, иначе дело кончится дракой. А если они еще и Димку в очередной раз выгнали...

Ладони снова непроизвольно сжимаются в кулаки, и я наконец вижу нашу облезлую трехэтажку. У подъезда стоит новенькая тачка Евгения, и я прибавляю шаг, но внезапно из

подъезда выскакивает перепуганный Димка, а следом за ним какая-то незнакомая белобрысая девчонка.

— Денис!

Голос Димки звучит визгливо, слегка испуганно, и я понимаю, что «отчим» у матери. Так испугаться брат может только представив мою встречу с Евгеном.

Руки сжимаются в кулаки. Как же мне хочется положить всему этому конец, забрать Димку и просто свалить отсюда к чертовой матери. Но брата мне никто не отдаст. В каком бы беспамятстве мать не находилась большую часть времени, если я увезу Димку, она нас найдет и тогда у меня будут проблемы.

— Ты что тут делаешь? — слишком грубо спрашиваю я.

Черт! Надеюсь, брат поймет — моя злость связана не с ним.

— Да вот... — он мнетя, но мне и так все ясно.

Они снова его выставили.

— Привет, — неожиданно девчонка, про которую я успел забыть, выходит вперед и заслоняет собой Димку. Она его от меня что ли защищает? — А мы вот чипсы ели с колой. А ты, наверное, Димин брат?

Я перевожу взгляд на нее и прищуриваюсь. Она ниже меня почти на голову, белобрысая и кожа бледная. Но на носу замечаю пару веснушек и усмехаюсь. Она явно не здешняя.

— Брат, — киваю я. — А вот ты кто такая?

Мой голос звенит от ярости да и вид не самый приличный

— разбитая губа, грязная футболка — но вместо страха на лице девчонки застывает упрямое выражение. Она поджигает губы и еще надежнее заслоняет собой Димку.

— Я Полина, — девчонка протягивает мне ладонь, но когда понимает, что я ее жать не собираюсь, опускает руку вдоль тела. — Ваша новая соседка. Недавно переехала из Москвы. Дима сидел на жаре один, и я позвала его к нам.

Ее голос полон осуждения, словно она знает причину, по которой мой брат оказался один на улице на самом солнцепеке. Перевожу взгляд на Диму и понимаю — так и есть. Этот идиот ей все рассказал. Мои щеки заливают жар стыда, но, судя по всему, девчонка принимает его за вспышку ярости, потому что на секунду в ее глазах мелькает паника. Но уже через мгновение она скрещивает руки на груди и с вызовом смотрит на меня.

— Сегодня особенно жарко, не находишь?

Она настолько дерзкая, что это должно еще больше вывести меня из себя, но вместо этого я едва заметно ухмыляюсь. Девчонка едва достает мне до плеч, а ее руки кажутся такими тонкими, что того и гляди переломятся от ветра. Светлые волосы взъерошены, а голубые глаза напоминают покрытое льдом озеро. Хотя, если вспомнить, когда я в последний раз видел лед на озере, может быть это и не совсем так. Несмотря на то, что девчонка больше напоминает маленькую птичку, эта пигалица продолжает смело смотреть, защищая от меня моего же брата.

— Как там тебя? — с показным равнодушием щелкаю у нее перед носом пальцами, хотя прекрасно запомнил ее имя.

— Полина, — стиснув зубы, отзывается она.

— Так вот, Полина, — нарочито медленно тяну я. — Не лезь не в свое дело. Ясно тебе?

С каждым словом я подхожу все ближе и практически нависаю над ней, но эта маленькая пигалица даже бровью не ведет.

— А не то что? — вскинув подбородок, спрашивает она.

— Ты не захочешь узнать!

Наконец, она отступает. Видимо догадалась, что связываться со мной — себе дороже. Вряд ли в ее глазах я выгляжу, как парень, которого хочется познакомить с мамой. Таких, как я родители стараются держать подальше от хороших девочек.

— Дима, ты... — Полина оборачивается к брату, но я перебиваю ее. Надо прекращать этот цирк.

— Пошли домой, — резко произношу я, хватая его за руку.

— Но... — бормочет он, совершенно не вырываясь. — Там же...

— Пошли, — я перебиваю его, хотя понимаю, что Дима пытается мне сказать, но хватит. Он и так много чего наболтал этой девчонке, судя по тому, как гневно сверкают ее ледяные глаза.

— Дима, ты хочешь с ним пойти? — спрашивает она, и в

этот момент мне окончательно сносит крышу.

— Послушай, ты! — едва сдерживая ярость цежу я. — Тебя это вообще не касается! Я его старший брат, конечно, он хочет пойти со мной! Ты думаешь, что раз приехала из своей Москвы, то теперь ты здесь самая крутая, и можешь вмешиваться в жизни чужих тебе людей? Ты слишком сильно заблуждаешься, пигалица!

Полина отшатывается от меня, открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба. Это выражение на ее лице вызывает во мне какое-то извращенное удовлетворение. С того самого момента, как я вышел из гаража, эмоции кипели внутри, желая найти выход, и вот я стою посреди двора и ору на незнакомую мне девчонку. Только внутри меня нет никакого чувства вины или сожаление. Мне плевать. Ей не следовало лезть к Димке и вообще совать свой нос в нашу семью.

— Это что у тебя? — я оборачиваюсь к брату и выхватываю книгу из его рук, которую он трепетно прижимает к груди.

— Полина дала, — тихо произносит он.

— На, — я сую ей в руки потрепанный томик и склоняю голову набок. — Нам ничего от тебя не надо. Просто держись подальше от нашей семьи. Уяснила?

Полина растерянно забирает книгу, потому что я просто не оставляю ей выбора и переводит вопросительный взгляд на Димку.

Замечаю краем глаза, как он опускает голову и едва заметно кивает, но Полине хватает этого движения. Она снова поджимает губы, на ее щеках проступают лихорадочные пятна, а голос звенит от напряжения когда она произносит:

— Если передумаешь, то заходи. Я же обещала, что дам тебе еще книг.

Я фыркаю, так громко, что от нее это не укрывается. Но дерзкая пигалица всего лишь сдувает упавшие на глаза прядки и с абсолютно прямой спиной направляется к подъезду. Мы с Димой молча смотрим ей в след. В тот момент, когда ее тонкая фигурка скрывается с сумраке подъезда, Дима не выдерживает.

— Зачем ты с ней так? — в его голосе проскальзывают слезливые нотки, и впервые за весь разговор мне кажется, что я облажался. — Я хотел, чтобы она стала моим другом.

Мне хочется сказать ему, что такие, как она не дружат с такими как мы. Это всегда акт милосердия, сочувствия, жалости. Но вместо этого я обнимаю его за плечи и как можно спокойнее произношу:

— Пошли домой.

Глава 4. Полина

Я бегу по ступенькам, не разбирая дороги. Если запнусь — кубарем полечу вниз. Но внутри меня закипает обжигающая злость, мешающая соображать. До этого момента я испытывала такую только по отношению к маме, а сейчас в груди булькает обида вперемешку со злостью из-за какого-то незнакомого парня. Что о себе возомнил этот кретин? Сжимаю томик Фрая с такой силой, что пальцы сводит судорогой. Я же видела, как Дима хотел эту книгу, за что брат с ним так?

Глаза печет, но я часто моргаю, чтобы не дать пролиться слезам. Это несправедливо. Я ничего не сделала, чтобы это кретин обошелся со мной *вот так*. Вспоминаю надменный взгляд его темно-карих глаз и еще сильнее сжимаю книгу в руках, впиваясь ногтями в ветхую обложку.

— Все нормально? — на шум в коридоре выходит мама и внимательно оглядывает меня.

— Да, — я швыряю книгу на обувницу, но не рассчитываю силы и она падает на пол.

— Ты уверена? — хмыкает мама.

В этот момент мои нервы окончательно сдают. Я прищуриваюсь и облакачиваюсь спиной на дверь. Мне бы прикусить язык, но слова слетают с губ прежде, чем я успеваю подумать:

— Нет. Не уверена. Знаешь, что не так? Этот долбаный город.

— Не выражайся, — цедит мама. Ее лицо моментально становится раздраженным.

— А то что? Отправишь меня к отцу? — мой голос срывается на крик, и я с удивлением отмечаю в нем истеричные нотки. Кажется, чаша моего терпения переполнилась.

— Я найду способ тебя усмирить, — мама делает шаг ко мне. Ее губы поджаты, а в глазах мечутся молнии. — Или ты думаешь мне нечего тебя лишить? Например, никакого телефона, или никаких друзей!

Истеричный смех вырывается из моей груди. Я смеюсь до тех пор пока слезы не брызгают у меня из глаз.

— Друзей? Все мои друзья остались в Москве! — крик оглушает, и я не сразу понимаю, что это я издаю этот кошмарный звук. — У меня здесь нет друзей и, судя по всему, не будет.

— О чем ты? — мама выглядит слегка озабоченной. Неужели ей стала интересна моя жизнь и то куда она катится?

— Здесь живет одно отребье! — восклицаю я. — Психи чертовы, — со злостью стираю слезы, бегущие по щекам, делаю пару шагов и наклоняюсь за книгой. — Я хочу домой.

Прижимаю книгу к груди и смотрю маме в глаза, но они пусты и ничего не выражают. Глаза, точно такого же цвета, как и мои. Холодные, голубые. Кто-то называет из льдисты-

ми, а папа всегда говорил, что они цветом напоминают ему горный ручей. Сейчас я ненавижу то, как сильно похожа на свою мать. Мне хочется не иметь с ней ничего общего. Хочется, чтобы мои волосы были темными, как у отца, а глаза цвета горького шоколада.

В этот момент перед моим взором оказываются другие глаза. Тоже темно-карие, но злые и колючие. Глаза Дениса. Человека, который ни за что наорал на меня и прогнал. Урод.

Воспоминание о сцене во дворе вызывает новую волну слез.

— Полина, — голос мамы похож на скрежет металла, в нем ни капли нежности, ни капли тепла. — Прекрати истерику. Ты не поедешь домой. Точка. Твоя жизнь теперь здесь. Нравится тебе это или нет.

Она разворачивается и скрывается в кухне, пока я стараюсь выровнять дыхание. Руки тянутся к телефону, чтобы набрать папу, но я останавливаюсь. Не хочу его расстраивать. Он будет переживать за меня, а ему и без меня плохо. Он там вообще один остался.

Делаю глубокий вдох и замечаю, как постепенно пульс приходит в норму. Книга в руках начинается казаться мне неподъемным грузом, поэтому я аккуратно кладу ее на обувницу, а затем, всего на секунду замешкавшись, все-таки выхожу обратно в вонючий подъезд.

У двери снова замираю. Мне нужно выговориться, а для этого отлично подойдет Анька. Пусть она и осталась за пол-

торы тысячи километров от меня, Аня все равно одна из самых близких моих подруг. Мы с ней вместе разбивали колени, вместе получали за то, что прогуливали уроки, вместе плакали над разбитым сердцем кого-то из нас, поэтому Аня именно тот человек, который способен меня поддержать.

Я достаю из кармана телефон и быстро набираю сообщение Славке, обещая позвонить ему вечером. Мой парень не любит, когда я *ною*. А ссориться сейчас еще и с ним в мои планы точно не входит.

— Поль? — Анька звучит как-то странно. — Ты чего звонишь?

— Да поговорить хотела. Ты занята что ли?

— Нет... — на заднем фоне улавливаю какой-то шум. — Что-то срочное?

— А ты где? — в душе снова зарождается обжигающая обида. Скорее всего мои друзья занимаются тем чем и должны заниматься все, кому предстоит выпускной год в школе — веселятся.

— Да мы в аквапарк пошли, — подтверждает Аня мои догадки. — Так что там у тебя?

Я закусываю губу, изо всех сил стараясь не разрыдаться. Моя мать испортила мне жизнь, незнакомый кареглазый кретин ни за что наорал на меня и лишил единственного человека, который мог бы стать мне приятелем, а мои друзья веселятся. Без меня.

— Да так, ничего, — стараясь замаскировать всхлип сме-

хом, произношу я.

— Поль, тебе никто ничего не наговорил? — настороженно спрашивает подруга.

— В каком смысле? — не понимаю я ее.

— Ты расстроена. Вот я и подумала...

— Да нет. Это мама, — быстро перебиваю Аню. — Но это подождет. Веселитесь там.

От Ани не укрывается грусть, которая проскальзывает в моем голосе.

— Я скучаю, Полин, — тихо произносит она.

— Я тоже скучаю. А сейчас иди и покажи этим трусишкам, как надо скатываться с высоких горок. Ясно?

Аня смеется, но в ее смехе мне слышится затаенная боль. Или это просто отражение моей собственной? Как бы я хотела оказаться сейчас рядом с ней. Выговориться, поплакать на ее плече или даже просто помолчать. Мне не хватает друзей и я чувствую это особенно остро после стычки со странным соседом.

Я убираю телефон в карман шорт и уже собираюсь вернуться в квартиру, но в этот момент из-за двери напротив раздается грохот, а затем громкий женский крик.

От неожиданности я вздрагиваю. Сердце неровно ударяется о ребра, а ладони тут же потеют. Крик в соседней квартире становится громче и пронзительней, а следом за ним снова раздается грохот. Я растерянно пячусь к нашей двери. Может вызвать полицию? Это ненормально...

Дверь за моей спиной резко распахивается и на пороге появляется перепуганная мама.

— Поля? Ты в порядке?

— Да, — киваю, забыв, что еще три минуты назад мы с ней ссорились. — Это вон там.

Я указываю на квартиру напротив нашей. И в этот момент до меня доходит — именно там живет Дима!

— Мама, надо звонить в полицию! Там ребенок!

— Где?

— В квартире! — я топаю ногой от нетерпения. Почему она еще стоит в коридоре, а не бежит за телефоном? — Там Дима живет.

— Кто?

— Ну тот мальчик, который был у нас.

Наконец, до мамы доходит. Она встревоженно взмахивает руками и скрывается внутри квартиры, бросив входную дверь открытой. Мама явно не думает о мухах, которые могут залететь, а значит не на шутку разволновалась.

Я продолжаю стоять в подъезде, обхватив себя руками. Мне страшно, но ноги словно приросли к полу. Крики стихают, но всего лишь на пару мгновений. Новый грохот сопровождается очередным криком, но на этот раз мне мерещится голос Димы. Не в силах больше стоять и бездействовать я подлетаю к двери в их квартиру и принимаюсь колотить по ней руками и ногами.

— Прекратите! — кричу я, совершенно не думая о том

что творю. — Я сейчас полицию вызову!

Постепенно за дверью все стихает и мне кажется, я слышу стук собственного сердца. Кажется, еще минута и оно проломит ребра и вывалится из груди прямо на грязный пол.

— Полина, ты в своем уме? — раздается грозный голос мамы у меня за спиной. — Быстро в дом! Что если они там пьяные или с оружием? Ты подумала, что кто-то может выйти и пырнуть тебя?

— Но там ребенок, — протестую я, правда от двери на всякий случай отхожу.

— Ты тоже ребенок, и, между прочим, мой ребенок. Зайди!

— Ты позвонила в полицию?

— Зайди! — вместо ответа она хватается за руку и с силой тащит на себя.

Я упираюсь, как могу, но мама сильнее. Изо всех сил прислушиваюсь к звукам за дверью, но теперь за ней стоит гробовая тишина. Не понимаю успокаивает ли меня это или пугает еще больше. Что если там кому-то нужна помощь? Что если *Диме* нужна помощь?

Стараюсь успокоить себя тем, что рядом с ним старший брат, но эта мысль не приносит облегчения. Денис не оказался мне уравновешенным.

— Полина! — голос мамы звенит от едва сдерживаемой ярости. — Живо домой!

Я сдаюсь и разворачиваюсь к нашей двери. Мне остается

надеяться на то, что Денис все-таки адекватный парень и если его брату что-то или кто-то начнет угрожать, то он не будет просто стоять и смотреть.

Когда я прохожу в коридор, то голову пронзает новая мысль — что если это Денис и затеял драку? Может из-за того, что мать выгнала Диму на жару?

Я прислоняюсь к двери и прячу лицо в ладонях. На секунду мне становится страшно за парня.

— Не могла нормальных друзей найти? — я поднимаю голову и замечаю, как мама осуждающе смотрит на меня.

— Нормальных — это каких? — обреченно вздыхаю, понимая, что еще одну волну ссоры просто не вынесу.

— У которых дома не творится черт знает что.

— В следующий раз, когда буду знакомиться с кем-то сразу уточню — устраивают ли они дома бойцовский клуб или нет.

— Было бы неплохо, — не обращая внимания на мой сарказм, отзывается мама. — А теперь иди есть.

— Так ты полицию вызвала? — спрашиваю я, все еще стараясь дышать как можно тише, чтобы в случае чего услышать шум.

— Они сказали, что передадут информацию участковому, и что они нам очень сочувствуют.

— Почему?

— Потому что это, — мама кивает головой в сторону двери. — Обычное дело для их семейки. Сделай мне одолжение,

Полина, не связывайся с ними.

Мама не ждет моего ответа. Она просто разворачивается и возвращается на кухню, откуда доносится сначала хлопок двери холодильника, а затем звяканье посуды. В каждом звуке чувствуется мамино раздражение.

Я достаю телефон и смотрю на экран. Сообщение Славе так и осталось без ответа, но это и к лучшему. Звонить ему сейчас мне не хочется. Не то настроение. Да и что я ему расскажу? Как мои новые соседи устроили драку среди бела дня?

Шумно выдыхаю и наконец разубаюсь.

— Иди ешь! Все остынет! — мама кипит словно чайник, и я послушно иду на кухню.

— Руки хоть можно помыть? — недовольно бурчу я.

— Мой.

Все мамины движения резкие, она напряжена, но меня это злит еще сильнее. Какое право она имеет раздражаться на меня, когда сама притащила меня в эту дыру, где днем температура воздуха выше чем в аду, а соседи буйные?

Я бросаю на нее недовольный взгляд и прохожу в крошечную ванную комнату. Стараюсь успокоиться, чтобы снова с ней не сцепиться. Для этого слишком тщательно мою руки, трижды намывив их, потом ополаскиваю лицо холодной водой и только спустя десять минут выхожу из ванной.

Без аппетита проглатываю суп, который уже успел остыть и покрыться пленкой из жира, но встать и погреть его значит

получить новую порцию упреков. Поэтому я просто зажмуриваюсь и проглатываю ложку за ложкой.

Когда наконец оказываюсь в своей комнате, то взгляд цепляется за книгу, которую отобрал у брата Денис. Видимо, мама принесла ее в мою комнату.

Я беру томик в руки и отрешенно поглаживаю по корешку — все мои мысли заняты парнями. Надеюсь, с ними обоими все в порядке. Пусть Денис и не самый приятный тип, но все-таки мне не хочется, чтобы с ним стряслось что-то плохое.

Мои родители не подарок, особенно мама, но когда твоя мать ведет себя, как их, это, должно быть в разы хуже.

Глава 5. Полина

Все следующие дни я избегаю любого общения с Димой и его братом. Смотрю в окно и прислушиваюсь к звукам за дверью прежде, чем выйти из дома и стараюсь стать незаметной. И дело не в том, что мама считает их неподходящей для меня компанией, просто мне неловко. От того, что я знаю об их семье чуть больше, чем они хотели бы и от того, что я слышала, стоя под дверью их квартиры. Такое чувство, будто я испачкалась в чем-то липком и грязном, хотя самой мне не кажется, что их тайна и семья такие. Но мама недвусмысленно дала понять, что *она* считает. Она не понимает, что людей не определяют поступки их родных. Наша семья казалась всем образцовой, но вот где мы оказались в итоге.

Первое сентября наступает слишком быстро. И как бы мне не хотелось пропустить праздничную линейку, пойти на нее все же приходится. Мама вытаскивает откуда-то из глубины собственного шкафа мою прошлогоднюю рубашку, которая уже слегка мне мала. Она жмет в груди и рукава едва достают до костяшек на запястье. Я выгляжу в ней странно, если не сказать глупо.

— Она маленькая, — морщусь я, разглядывая себя в зеркале.

— Тебе нужно сходить в ней в школу всего один раз, — отрезает мама. — Один из плюсов жизни в регионах — ни-

какой формы.

— Это единственный плюс этого городишка, — парируя я, закатывая руками почти до локтей.

— Что ты делаешь? — хмурится мама.

— Рукав три четверти.

— Это выглядит странно.

— Не страннее, чем рукава, которые мне коротки.

Я раздраженно встряхиваю волосами, а затем принимаюсь завязывать их узлом. Жара на улице нестерпимая, хотя уже и наступила календарная осень, но в этом городе даже погода сходит с ума. Столбик термометра так и держится больше отметки в тридцать градусов. Я всеми силами стараюсь оголить, как можно больше частей тела, поэтому убираю волосы наверх. В противном случае, шея мгновенно станет потной.

— Бант? — мама вопросительно выгибает бровь и показываем мне какое-то безумие из органзы.

— Ни за что!

— Как знаешь, — она равнодушно пожимает плечами и выходит из комнаты, оставляя меня наедине с моими мыслями тревогой окрашенными в черный.

Выпускной класс в новой школе — самое ужасное, что могло со мной произойти. И пусть я не стремлюсь найти новых друзей, но и быть ближайшие пару месяцев белой вороной или того хуже — изгоем, мне не хочется. Что если я вообще не волеюсь в коллектив? Что если они начнут издеваться надо мной?

Закручиваю волосы в такой тугой узел, что голова начинает болеть, но я оставляю их в таком виде. Времени переделывать уже нет, а руки и так трясутся от нервов. Подхватываю небольшую сумку с пола и вылетаю в коридор. Никаких учебников — я не хочу показаться задротом — хоть мама и заставила меня сходить в библиотеку и взять необходимое.

— Пока, мам, — кричу я, всовывая ноги в школьные туфли.

Они ужасно неудобные и жмут мне в пальцах, так что я всей душой надеюсь, что мама не соврала и формы в этой школе и правда нет.

— Хорошего дня!

Я успеваю заметить, как мама вышла в коридор, чтобы попрощаться, но я уже захлопываю дверь. День определенно был бы лучше, окажись я в своей старой школе, рядом со Славкой и Аней и другими ребятами, а не тут. Черт, да я даже дорогу в школу запомнила с трудом!

Дверь напротив внезапно распахивается и на пороге оказывается Дима.

— Привет, — он улыбается мне так широко, что я на полном серьезе опасаясь за его челюсть.

— Привет, — бормочу я.

— Ты в школу?

Я окидываю взглядом его точно такой же парадный вид, как у меня и прищуриваюсь.

— А ты?

Дима не понимает моего сарказма и совершенно серьезно кивает.

— Да. Пойдем вместе?

Я мнусь и перевожу взгляд на дверь за его спиной. Мне кажется, что в любую секунду оттуда выскочит его брат и снова утащит Диму прочь от меня. Словно я заразная. Или могу представлять опасность. Дима ловит мой взгляд и совершенно точно понимает, о чем я думаю.

— Если ты из-за Дениса, то не обращай на него внимания, — машет он рукой. — Он просто переживает за меня. И за маму тоже... Поэтому он порой бывает такой... — Дима закусывает губу, и я хмыкаю.

— Такой кретин?

— Грубый, — смеется Дима. — Я хотел сказать грубый, но кретин тоже подходит. Ты главное ему так не скажи, — подходит он ко мне и понижает голос до заговорщицкого шепота, а следом громко добавляет: — Пошли, а то опоздаем.

Мы выходим на улицу и меня тут же обдает жаром, словно из печки. Дышать невозможно, хотя на улице всего лишь половина восьмого утра. Рубашка прилипает к спине, а шея, несмотря на собранные волосы покрывается тонкой пленкой пота. Мне кажется я никогда не привыкну к Краснодарской погоде.

Какое-то время мы идем молча и я радуюсь, что все-таки Дима позвал меня с собой. Идти приходится через одинаковые на вид дворы, завешенные постиранным бельем и в ка-

кой-то момент мне кажется, что мы ходим по кругу. Пусть я один раз и была в школе, но без провожатого точно опоздала бы на линейку.

— Полин, — через пару минут неуверенно тянет Дима.
— Слушай, а та книга...

— Ты про Фрая, — понимающе произношу я, косясь на него. Лицо мальчишки покрывается пятнами. Ему неловко, но, видимо, желание все-таки прочесть новую книгу сильнее.

— Да, про эту книгу. Ты не могла бы... Ну... Все-таки мне дать ее?

— Легко, — я пожимаю плечами, давая ему понять, что никаких проблем нет. — После школы заходи.

— Спасибо! — в его голосе столько тепла и искренней радости, что мое сердце вновь сжимается.

Как у женщины, которая водит домой мужиков мог вырасти такой ребенок? В моем представлении Дима должен был стрелять сигареты и громко материться, а не быть таким... милым. Хотя, может ее первый ребенок как раз таким и вырос?

При мыслях о Денисе мои щеки обдаёт странным жаром. Я прижимаю ладони к лицу и нахмуриваюсь. Хамло и быдло никогда не были в моем вкусе, так с чего мне сейчас мне краснеть при мыслях о нем? Но все же интересно, почему он не идет с Димой в школу. Хотя, он должно быть старше меня на пару лет и давно ее окончил...

Голос Димы вторгается в мои мысли.

— Денис спрашивал о тебе, — произносит он, и я чувствую, как жар от лица спускается по шее и ниже на грудь.

Пульс ускоряется, разгоняя кровь по венам, отчего меня бросает в пот. Вряд ли он говорил что-то хорошее. Нашу короткую встречу сложно назвать приятной, так что ничего странного если Денис сказал брату держаться от меня подальше.

— Что именно? — с напускным равнодушием, уточняю я.

— Ну откуда я тебя знаю и все такое, — судя по тону, для Димы в этом разговоре не было ничего необычного, и я слегка успокаиваюсь.

Если Денису склонна гиперопека, то его желание узнать о новой взрослой подруге брата вполне логично.

— О, а вот и он, кстати, — Дима радостно машет кому-то рукой.

Я кручу головой в поисках высокой фигуры Дениса, но никого не вижу. Правда уже через мгновение перед нами с визгом шин останавливается довольно старая на вид машина, и стекло со стороны пассажирской двери опускается.

— Подвезти? — спрашивает Денис, наклоняясь так, чтобы видеть наши лица.

Если таким образом он хочет попросить прощения, то может не стараться — мне не нужны его извинения. Я смотрю в его темные глаза, в которых сегодня нет ни капли ненависти, и с трудом сглатываю тугой ком, неясно откуда взявшийся у меня в горле.

— Не стоит, — выгибая бровь, произношу я.

Будь на месте Дениса кто-то другой, я не раздумывая приняла бы предложение — тесные туфли уже успели натереть и боюсь, когда я дойду до школы, на ногах обнаружатся кровавые мозоли. Но гордость не позволяет сделать вид, что несколько дней назад Денис не требовал, чтобы я держалась от них подальше.

— Да ладно тебе, — улыбаясь, он подмигивает мне и я теряюсь.

Дима уже распахивает заднюю дверь и скрывается в машине, а я так и стою, переминаясь с ноги на ногу. Не успеваю задуматься о том, почему Дима забрался назад, как Денис наклоняется еще сильнее, дергает за ручку и толкает пассажирскую дверь. Она приглашающе приоткрывается, но я продолжаю стоять, как вкопанная, вглядываясь в лицо Дениса в ожидании подвоха.

— Полина, верно? — уточняет Денис, а я закатываю глаза. У него что с головой проблемы? Так сложно с первого раза запомнить мое имя? — В нашу первую встречу я был не в духе. Считай, что я так извиняюсь.

Губы Дениса растягиваются в широкой улыбке, и от этого у меня в животе закручивается тугой узел. Парень выглядит очень привлекательно, когда не сверкает гневно глазами и не кричит на меня. Острые скулы, взъерошенные волосы, большие темные глаза — идеальный кандидат на роль обаятельного книжного злодея.

Я рассматриваю его слишком долго для того, чтобы мой интерес не показался неуместным. Денис ловит мой взгляд и улыбается еще шире, а я наконец одергиваю себя. Неважно насколько он симпатичен — его поведение точно не соответствует моему представлению о том, как должен вести себя парень. Да и вообще-то у меня есть Славка.

При воспоминании о Славе, который остался за полторы тысячи километров, меня накрывает привычной тоской, но она тут же сменяется раздражением, когда Денис практически вываливается из машины и хватается за руку.

— Давай, садись. А то опоздаешь на линейку. И Димка из-за тебя опоздает.

Голос Дениса звучит строго, но в глазах пляшут лукавые искорки смеха. Он тянет меня на себя и я невольно делаю шаг, который тут же отзывается болью в ноге.

— Черт, — шиплю я.

— Что? Больно? — Денис выпускает мою руку, видимо решив, что это он причинил мне неудобства, и я против воли усмехаюсь.

У меня появляется отличный шанс отыгаться на нем за наше не самое приятное знакомство, но я почему-то не делаю этого. Вдобавок мне не хочется становиться причиной опоздания Димы на праздничную линейку, поэтому я все-таки забираюсь в машину.

— Нет, — я мотаю головой и с облегчением вздыхаю, вытянув ступни. Боль слегка отступает. — Вернее больно, но

не из-за тебя. Ногу натерла.

— О-о-о, — понимающе тянет Денис и снова подмигивает. — Да я спас тебя получается?

Я не успеваю ответить, потому что как только захопываю дверь, машина срывается с места. Меня бросает на спинку сиденья и от неожиданности я ахаю.

— Эй, я же не пристегнулась! — возмущаюсь я, пытаюсь дотянуться до ремня безопасности.

— Нам ехать три минуты, — смеется Денис. — Не бойся, мелкая, доедешь в целости и сохранности.

— Я тебе не мелкая, — зло цежу я. — Это просто ты... гигант.

Рядом с ним я и правду выгляжу, как коротышка, но это не значит, что он может называть меня *мелкой*.

— Он всех называет мелкими, — недовольно бормочет с заднего сидения Дима. — Не только тебя.

— Всех кто ниже метра восьмидесяти, — уточняет Денис, бросая на меня заинтересованные взгляды.

— О, что ж... — Я оставляю попытки найти ремень и просто обнимаю себя руками за плечи. До школы и правда недалеко, и вряд ли Денис успеет убить нас за это время. — Тогда я лучше буду мелкой, чем дылдой.

Денис смеется, и этот звук оседает у меня где-то в районе солнечного сплетения. Смех громкий и искренний, но словно слегка заржавевший. Как будто Денис не привык смеяться часто.

Я поднимаю голову и на миг наши взгляды встречаются. Глаза Дениса темные, словно беззвездное ночное небо. Полные губы изгибаются в лукавой усмешке, как только он замечает мой взгляд, и я тут же смущаюсь. Черт. Не надо было мне так откровенно его разглядывать. Снова...

Я набираю полную грудь воздуха, чтобы сказать какую-нибудь колкость, но Денис меня опережает.

— Приехали, — он хлопает ладонью по рулю, а машина резко тормозит.

На этот раз меня бросает вперед, и я не успеваю среагировать. Краем сознания понимаю, что сейчас лицом врежусь в приборную панель и зажмуриваюсь, но Денис не дает этому случиться. Его рука перехватывает меня поперек груди, а я резко втягиваю воздух сквозь стиснутые зубы.

— Надо было пристегнуться, — с усмешкой произносит он. — А то могла сломать нос.

Я вспыхиваю. Резко отталкиваю его руку и вылетаю из машины, со всей силы хлопнув дверью. Извинился он, как же. Кретин! Меня трясет от злости и адреналина, бегущего по моей крови. Я стремительно обхожу машину спереди и направляюсь к школьным воротам, стараясь не обращать внимание на то, как нестерпимо болят ноги.

— Эй, а спасибо? — выкрикивает Денис.

Я оборачиваюсь и застываю в паре шагов от машины. Внутри меня клокочет что-то обжигающее, не дающее сосредоточиться хоть сколько-нибудь ясно. Денис почти высунулся

из открытого окна и это привлекает внимание идущих мимо нас школьников. До меня доносятся смешки, улюлюканья и восторженные вздохи нескольких девчонок, от которых я морщусь. Кажется, Денис районная знаменитость. Но это не дает ему права так себя со мной вести!

— Всегда пожалуйста, — улыбаюсь я, как можно шире. — Но знаешь, я больше не смогу составить тебе компанию. Все-таки я предпочитаю, когда парни не похожи на неандертальцев. Ох... — я замолкаю и делаю вид, что задумалась. — А ты знаешь, что означает слово “неандерталец”?

Справа от меня раздаются громкие смешки, а на лице Дениса проскальзывает раздражение. О, значит ему не нравится, когда ему отвечают! На секунду я жалею, что спровоцировала его, но с другой стороны такие как Денис считают себя хозяевами жизни, и мне нужно сразу показать ему, что со мной этот номер не пройдет.

Денис склоняет голову и внезапно распахивает водительскую дверь и я вздрагиваю. Думала, что он сразу же уедет, но судя по его виду, я только что нажила себе врага. Как-то лениво Денис выбирается на улицу и подходит ко мне.

Мне хочется бежать, но вместо этого я лишь крепче сжимаю ремешок сумки в ладони и просто считаю про себя. Он же не сделает мне ничего? Точно не на глазах у всей школы. Денис не псих. Наверное...

Краем глаза замечаю, как Дима выскакивает из машины и становится со мной рядом. Но все мое внимание приковано

к лицу Дениса, как и его ко мне. Денис смотрит только на меня, в упор не замечая брата. Мое сердце грохочет в груди и кажется это слышно всем находящимся на расстоянии вытянутой руки. Если он попытается что-то сделать, я с ним не справлюсь — он выше, сильнее, безумнее!

Денис облизывает губы, и, несмотря на то, что момент неподходящий, мой взгляд задерживается на них чуточку дольше, чем следовало бы.

— Я знаю значение этого слова, *мелкая*. Но если ты хочешь провести мне пару дополнительных занятий по биологии, я буду не против.

Смешки превращаются в откровенный хохот, но в моих ушах слишком громко шумит кровь. Кажется ее немного и я потеряю сознание от гипервентиляции легких.

Денис наклоняется ко мне так близко, что наши губы разделяет не больше сантиметра. Кажется, он сейчас поцелует меня и на какую-то миллисекунду мне хочется этого, но уже через миг я с ужасом отшатываюсь, едва не падая, когда боль пронзает ступню.

— Не дождешься, — цежу я, стараясь придать голосу уверенность.

— Ну-ну, — хмыкает Денис, а затем с угрозой добавляет: — Посмотрим, маленькая птичка.

Я открываю рот, удивленная его дерзостью, но ответить снова не успеваю. Денис уже забирается в машину, а в следующую секунду она срывается с места.

Глава 6. Денис

Удивительно, но эта дерзкая пигалица забавляет меня. То, как вспыхивают ее щеки и сжимаются ладони в маленькие кулачки, когда она злится, выглядит довольно мило.

Сначала я и правда взбесился, увидев ее рядом с Димкой, а когда до меня дошло, что она знает, почему он в жару на лавке сидел, вообще чуть с катушек не слетел. Димка малой совсем, поэтому все ей выложил: и причину по которой оказался на улице и правду про нашу полоумную семейку. Мне хотелось припугнуть ее, чтобы не путалась под ногами. Нехер лезть не в свое дело. Но успокоившись, я подумал, что Полина из тех, кто будет зубоскалить. Скорее уж сочувствовать. Тем более Димку она даже приютила, чтобы на жаре не сидел.

Вспоминаю про книжку, которую она дала Димке, а я, как психованный придурок отобрал и хмурюсь. Знаю ведь, как брат читать любит. Надо будет ему купить новых книжек. Может смогу отыскать что-то интересное в комиссионке.

С забавной и милой новой соседки мысли перескакивают на брата, а с него и на нашу мамашу. Мамой эту женщину мой язык не поворачивается назвать слишком давно. Не мать она, шаболда обыкновенная, а последний ее хахаль вообще говнюк редкостный. Меня злит это. Злит, что я должен думать о новых книгах для брата, а не его родная мать. И ду-

мать о том, что он не жрал пару дней тоже приходится мне. Если бы не Полина, сколько бы еще он просидел голодный на солнцепеке?

Руки на руле сжимаются до белых костяшек, а нога сильнее давит на педаль газа. С громким ревом двигателя тачка ускоряется.

Скорость — единственное, что может помочь мне опустошить голову и обуздать гнев, который грозит сжечь меня заживо. Езда на грани риска, адреналин, бегущий по венам, рев движка и свист резины — помогают ненадолго унять моих демонов.

Опускаю взгляд на руки и замечаю ссадины на костяшках. Они почти зажили, и Полина их не заметила. Ловлю себя на мысли, что рад этому. Мне не хочется, чтобы она смотрела на меня, как на психа. Правда я уверен, что драку и крики она все же слышала, вряд ли кто-то в нашем подъезде не слышал очередную стычку между мной и Евгеном — хахалем матери. Они даже привыкли к ним и ментов вызывать перестали. Какой смысл если через неделю все повторится снова?

Резина свистит, когда я торможу у гаража. Судя по открытым дверям, Серый уже там. Отлично, может работа есть и тогда мы скорее раскидаемся с долгом.

Выхожу из тачки и подхожу к гаражу. На улице ярко светит солнце, несмотря на сентябрь, и я морщусь. Мысли тут же возвращаются к забавной соседке: Полина выглядит так, словно сейчас расплавится под южным солнцем и кожа у нее

совсем светлая. Вот тебе и жизнь в серой и холодной Москве — сплошная бледность.

— Дэн, ты какого фига на солнце морду греешь? Подзагореть решил? Там тачку пригнали, надо карбюратор глянуть.

Перевожу взгляд на Серого, который ухмыляется, как придурок и пинаю в его сторону камешек с дороги.

— Тачка это хорошо. И нет, не загораю, — показываю ему средний палец, обхожу свою машину и открываю багажник, чтобы достать кое-какие запчасти, которые мне удалось найти у барыг по дешевке. — Жду, когда ты поднимешь свою задницу и поможешь мне все это перетаскать в гараж.

Сереге подходит к багажнику и, присвистнув, начинает разглядывать его содержимое.

— Краденное? — тихо спрашивает он, и меня пробирает смех от его свистящего шепота.

— Ясен хер, — невозмутимо отзываюсь, опираясь бедром о машину. — Бабок на другое у нас нет.

— Нас поймают, — Сергей отходит на пару шагов от меня и скрещивает руки на груди. — Поймают и посадят.

— Не посадят, — я стискиваю зубы до боли в челюсти. — Если не хочешь, можешь в этом не участвовать. Я сам отдам бабки Косте.

— Дэн, не начинай, — Сереге поднимает руки вверх, типа он сдается, но я правда хочу чтобы он свалил. Потому что, когда говорю, что нас не посадят, сам не уверен в своих словах. — Мы вместе попали на бабки, вместе будем отдавать

их. А это, — он презрительно машет в сторону багажника моей тачки, — временные неудобства.

Мне хочется надеяться на это, но после того, как я снова начистил рожу Евгению все может выйти из-под контроля. Я не говорю Серому про драку, чтобы он не распахнулся еще больше, хотя это отличный шанс слить его и не подставить под удар...

— Слышал, ты новую телку подцепил, — перебивает он мои мысли, и я замираю с открытым ртом, забыв, что хотел сказать. — Говорят, та еще штучка. Новенькая, да?

— Не понял, — мотаю головой. — Ты про кого?

— Ну та, белобрысая, которую ты сегодня в школу подвозил. Галантный, мля. В джентльмены заделался? Она что девочка еще, и ты боишься не даст просто так?

Сергея ржет и в этом нет ничего нового, но собственная реакция на его слова удивляет меня.

— Пошел ты, — цежу я. — Это не новая телка. Соседка наша просто.

— Ну-ну, — продолжает издеваться Серый. — Поэтому вы чуть сосаться у ворот не начали?

— Мы не сосались, — отмахиваюсь от его дебильных шуточек. — А ты уже откуда про нее знаешь?

— Ну, ты звезда интернета, — пожимает плечами Серега. — Смотри, Дэн, она если девочка, проблем не оберешься. Ей же еще нет восемнадцати?

Я делаю вид, что не расслышал его. Полине семнадцать

— это Димка выяснил и мне доложил, но с какого перепугу меня вообще должна интересовать эта информация? Она мне не нравится, и девчонок с кем можно перепихнуться вокруг хватает. А то что Полина меня забавляет — ничего не значит. Забавная маленькая птичка, не более того. Дерзкая и... добрая.

— Дэн, — Серега окликает меня, и я закатываю глаза, но все же оборачиваюсь, предварительно достав одну коробку из багажнику.

— А?

— Сейчас это не вовремя, — уже без прежнего смеха в голосе произносит он. — Она может попасть под удар. Ты знаешь Костю, он...

Серега не договаривает, но я прекрасно понимаю, что он хочет сказать. Костя — бандит. И если мы в срок не отдадим бабки, то ничего не помешает ему попытаться надавить на нас через близких. Вот только моя семья находится в призрачной безопасности из-за того, что мамашка спит с Евгеном, то кто-то не из семьи может оказаться отличной мишенью.

— Я знаю, Серый, не очкуй. Полина просто наша новая соседка и кажется мой младший брат нравится ей куда больше чем я, — произношу я, чувствуя, что последний факт меня почему-то напрягает.

Мы с Серым ремонтируем тачки весь день, практически не прерываясь на отдых. Чтобы отдать бабки Косте нам нуж-

но попотеть, и мы оба это понимаем. К счастью, у нас есть работа, в противном случае, мне реально пришлось бы продать свою крошку. И это отстойно. Когда на адском сентябрьском солнце гараж почти превращается в баню, я не выдерживаю. Бросаю на пол разводной ключ и рукой вытираю пот со лба.

— Я ща сдохну, Серый. Не могу больше. Нужно передохнуть.

Серый кивает и пытается оттереть грязь с ладоней тряпкой, которая на вид не чище.

— Надо, да. Иначе мы тут просто сдохнем.

Я все-таки убираю разводной ключ к остальным инструментам и оглядываюсь вокруг в поисках своей футболки. Не найдя ее, решаю, пойти на улицу как есть. Все равно на улице пекло. Осень в город приходит не раньше середины октября, а до этого погода стоит летняя. Хотя ветер уже изменился и облака все чаще и чаще появляются на небе — первый признак подступающей осени.

— Я в магазин сгоняю, — бросает мне Серега и вылетает из гаража.

Я понимаю, что ему сложнее чем мне и чувствую себя виноватым за то, что втянул его во все это дерьмо. Это вообще изначально была моя идея — выкупить гараж и открыть тут ремонт машин. Мне нужны были бабки, а кроме тачек я ни в чем не разбираюсь. И ни хрена не умею делать. Так что ремонт машин — мой единственный шанс не сгнить где-нибудь на улице. В отличии от меня, Серому никогда не нуж-

ны были деньги, но на мой бизнес-план согласился. Просто потому что мы друзья.

Семья у Сереги, конечно, не такая, как моя. У него есть и отец, и мать, а вот братьев и сестер нет, так что он единственный и любимый сыночек своих родаков. Когда я был малой, по-черному завидовал ему, за что Серый частенько получал от меня по зубам. Правда продолжалось это до тех пор, пока ко мне как-то не пришел его отец. Я думал, тот решил разобраться со мной, может даже дать отеческого ремня, но, как ни странно, дядя Вова позвал меня к ним домой на обед. Сказал, хочет, чтобы мы подружились с его сыном, а для этого я должен узнать их семью чуть получше.

Я сам себя не понимал в то время. Был просто маленьким и озлобленным зверенышем. Димке было четыре, отец только-только попал в тюрьму на очередной срок, а мать на радостях схватилась за стакан. Про меня все забыли. Я оказался лишним и никому не нужным. И вот чужие люди просто так приняли меня в свою семью.

Когда я впервые пришел к Серому домой, то едва не свалился в обморок от запаха еды. С опаской озираясь по сторонам, каждую секунду ждал, что они меня выгонят или отругают за то, как я относился к их сыну, но тетя Марина и дядя Вова и правда позвали меня не для этого. Только спустя пару лет до меня дошло, что это был акт милосердия, они тупо пожалели пацаненка-хулигана, но к тому времени я уже так привык считать их своей семьей, что вместо привычной

злости и обиды испытал благодарностью. Их жалость спасла меня и подогнала друга. В тот день они не просто накормили, они показали, что не весь мир против меня.

Я выхожу на улицу и запрокидываю голову. Синева неба уже заметно побледнела. Если в июле его цвет кажется насыщенно синим, то сейчас он больше похож на голубой. Похож на глаза Полины.

Эта мысль выбивает из меня весь воздух. Какого хрена я вообще думаю об этой мелкой дерзкой пигалице?

Опускаюсь на шины, сложенные друг на друга возле гаража, и засовываю в рот травинку. Солнце обжигает голые плечи и припекает голову, но я не возвращаюсь в гараж за футболкой. Тепло хоть немного снимает напряжение с напряженных мышц.

Я снова бросаю взгляд на небо и усмехаюсь, думая о Полине.

Она такая дерзкая и это мне нравится в ней больше всего. То, как она смело смотрит мне в глаза. Несмотря на нашу первую встречу и мой довольно грозный вид, Полина все равно ведет себя так, словно не боится меня.

От ее дерзости мои мысли перетекают на ее фигуру, и против воли моя улыбка становится еще шире. Задница у девчонки что надо. Следует признать, что Полина в принципе симпатичная.

Замечаю Серегу, который еле тащится в мою сторону с двумя полторашками воды подмышками и улыбка тут же

сползает с лица. Я думаю о том, что он сказал. Полина — школьница, ей еще нет восемнадцати, да и вообще вряд ли ее предки одобряют такого ухажера как я. Но что-то внутри зудит, словно комар прохладной августовской ночью. И именно этот зуд не дает мне отмахнуться от мыслей про Полину. Сегодня, когда я чуть не поцеловал ее у школьного двора мне показалось, что она тоже этого захотела. А если так то, какое мне дело до того, что скажут ее предки? В конце концов, когда-то же она станет совершеннолетней.

— Братан, мне не нравится твоя рожа, — со вздохом произносит Серега. — Ты что-то затеял и это точно кончится паршиво.

— Не, — беру у него из рук одну из бутылок, откручиваю крышку и с жадностью делаю глоток. — Паршиво это не кончится.

— Это касается денег? — Серый задумчиво кивает головой в сторону гаража, а я отрицательно мотаю головой. — Тогда той телки, да? Я все-таки был прав и ты запал на малолетку.

— Серый, она не малолетка, — вместо ответа произношу я. — Она учится в выпускном классе. Наверное. Ну, по крайней мере, она выглядит так, словно учится в выпускном классе, а значит ей точно скоро стукнет восемнадцать.

— И ты хочешь сказать, что как пай мальчик будешь ходить с ней за ручку до ее дня рождения. Что если он в мае?

— Серый, я вообще не утверждал, что дело в Полине. С

чего ты решил, что я запал на нее?

— Еще раз повторюсь — мне не нравится твоя рожа. Ты выглядишь, как кот, который увидел миску со сметаной. Такое выражение у тебя бывает или из-за бабла или из-за девки. Если это не деньги, то... — друг разводит руками а затем медленно тянет: — *cherchez la femme*.

— Да пошел ты, француз долбаный, — ржу я, обливая Серого водой из бутылки.

— Эй, — он отскакивает и вытирает довольную рожу футболкой, но уже через секунду становится серьезным. — Я то пойду, а вот ты будь аккуратнее, Дэн. Я тебе про Костяна серьезно говорю. Как бы он не прохавал, что тебе нравится эта девчонка.

Я отстраненно киваю головой. От Кости я смогу ее защитить.

И именно эта мысль вышибает весь воздух из легких, как ремень безопасности, сдавивший грудь при экстренном торможении — Полина и правда меня чем-то зацепила.

Твою же мать!

Глава 7. Полина

Первый день в новой школе оказывается еще паршивей, чем я себе представляла. Для начала меня усадили на заднюю парту, потому что других мест в классе попросту не оказалось. Мой сосед по парте все время жевал жвачку и периодически надувал пузыри, а затем лопал их, языком снимая остатки с губ. Это зрелище было настолько противным, что я порадовалась пропущенному завтраку.

А затем все становится еще хуже.

— Эй, новенькая, — голос догоняет меня у самого выхода из школы. — Стой, поговорить надо.

С тяжелым вздохом я оборачиваюсь, уже понимая кого увижу перед собой — главную звезду параллели. Я знаю этот тон надуманной власти самопровозглашенной королевы. Такие есть в каждой школе. Они красивые, стервозные и чаще всего тупые. Их свита немногочисленна — две, три девчонки из тех, кто мечтает занять место той самой королевы. В Москве у нас тоже была своя королева, но она не трогала нашу компанию, а мы делали вид, что не замечает ее. Видимо, здесь так не выйдет.

— Чего тебе? — грубовато спрашиваю.

Я не планирую заводить друзей и не собираюсь делать вид, что эти задиристые девчонки мне нравятся. Их четверо, все как на подбор крашенные блондинки и ярко покрашенными

губами и длинными ресницами. Явно наращенными.

— А ты дерзкая, — одна из девчонок отделяется от мас-совки и подходит ко мне. Та самая королева улья. — Слышала тебя в школу Ларин привез?

Мне требуется пара секунд, чтобы понять — это фамилия Дениса.

— И что? — пожимаю плечами, едва не закатывая глаза. Все дело в обычной ревности? Плохиш и королева школы — как банально.

— А то, что тебе стоит держаться от него подальше.

— Слушай, — я делаю шаг вперед, и это сбивает ее в столку, — Ты вроде Вера? Правильно? Так вот, Вера, это что — фраза, которой вас учат при рождении в этом городе?

— О чем ты? — Вера хмурится, но не отступает. Только взмахивает длинными ресницами и дует губы.

— Я сама решу с кем и как близко мне находиться, ясно?

Внутри меня клокочет злость — ненавижу этот город, этих людей. Ненавижу то, что какие-то стервы мнят себя королевами своих воображаемых королевств, и поэтому просто не могу промолчать.

— Слышь, новенькая, а ты че такая дерзкая? — Вера подается вперед и едва не бьет меня лбом в нос, но я успеваю отскочить.

— Успокойся, — вскидываю руки вверх. — Если у тебя какие-то претензии к Денису, разбирайся с ним, ясно? Он просто подвез меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.